

«Наука как призвание и профессия». К 100-летию доклада М. Вебера
(материалы симпозиума)

Дилемма ученого: после Макса Вебера*

© 2019 г. И.Т. Касавин

*Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ),
Нижний Новгород, 603022, просп. Гагарина, д. 23;
МРОО «Русское общество истории и философии науки».*

E-mail: itkasavin@gmail.com

Поступила 14.05.2019

Доклад М. Вебера инициирует целый ряд актуальных проблем этики науки. Среди них находится и проблема, сталкивающая недоопределенность дисциплинарного статуса этики науки с необходимостью определить характер и способы нормативного регулирования науки. На этом пути приходится сопоставлять различные нормативные программы применительно к науке; отвечать на вопросы о разрешении гильотины Юма и парадокса Мертона-Поппера в этике науки, о способности этики науки обосновать науку как форму общественного блага. Этика науки формируется, транслируя из философской этики способы своего обоснования: в качестве дескриптивной, нормативной, прикладной этики как метаэтики. Оказывается, что однозначный выбор между этими программами едва ли возможен для этики науки. Она, с одной стороны, не может не опираться на науки о познании и культуре, и, с другой, не может ограничиваться фактическим положением дел. Скорее, специально-научный и философский аспекты этики науки могут быть разграничены как способы формальной и неформальной регуляции науки, как профессии и призвания, что позволяет обосновать особый эпистемический статус науки и одновременно понять ее как форму общественного блага.

Ключевые слова: этика науки, профессия, призвание, Мертон, общественное благо, эпистемический статус науки

DOI: 10.31857/S004287440005719-5

Цитирование: *Касавин И.Т.* Дилемма ученого: после Макса Вебера // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 18–22.

* Исследование выполнено по проекту РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

The Scientist's Dilemma: Profession Or Vocation *

© 2019 г. Илья Т. Kasavin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 23, Gagarin avenue, Nizhni Novgorod, 603022, Russian Federation; Russian Society for History and Philosophy of Science (RSHPs)

E-mail: itkasavin@gmail.com

Received 14.05.2019

Max Weber's lecture raises a number of ethical issues in science. Among them there is a problem confronting the underdetermination of the disciplinary status of the ethics of science and goal to determine the nature and methods for a normative management of science. Along this way, one has to compare the philosophical and other ethical and regulatory programs as it relates to science; to respond to questions about resolving Hume's guillotine and the paradox of Merton-Popper in the ethics of science; to demonstrate the ethics of science ability to justify science as a form of public good. The ethics of science evolves by transferring the methods of its justification from philosophical ethics: as descriptive, normative and applied ethics, as metaethics. It turns out that a clear choice among these programs is hardly possible for the ethics of science. On the one hand, it cannot work without borrowing empirical evidence from the cognitive sciences and the cultural studies, and on the other, cannot be limited to the actual state of affairs. Rather, specially scientific and philosophical aspects of the ethics of science differ as types of formal and informal regulation of science, as a profession and a vocation that allows justifying the special epistemic status of science and at the same time understanding it as a form of public good.

Key words: ethics of science, profession, vocation, Merton, epistemic norms, public good, epistemic status of science.

DOI: 10.31857/S004287440005719-5

Citation: Kasavin, Ilya T. (2019) 'The Scientist's Dilemma: Profession or Vocation', *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2019), pp. 18–22.

Доклад М. Вебера «Наука как призвание и профессия» представляет собой не изложение доктрины или концепции, происходящее ниоткуда и сделанное навсегда, а живой дискурс, нечто ситуативное, разговор с публикой здесь и сейчас. Ситуация задается историческими и социальными вызовами, на которые в той или иной мере, сознательно или интуитивно, Вебер отвечал. Первый из них определяется его профессией. Для него как специалиста был особенно важен статус социальных наук вообще в период активной профессионализации дисциплин. Вебер самоопределяется по отношению к двум доминирующим тенденциям в этой области. В качестве полюсов для него выступают объективистская социальная наука, образец которой дал К. Маркс, т.е. политэкономия, и субъективно-психологическая линия В. Дильтея.

* The research has got support by the grant of Russian Science Foundation № 19-18-00494 «The mission of scientist in the modern world: science as profession and vocation».

Найти место социологии между экономикой и психологией — в этом состояла задача Вебера как ученого, и эта задача резонирует в форме противопоставления профессии и призвания. Второй мотив Вебера — это очевидный эмпирический факт десакрализации интеллектуального труда или расколдовывания мира, как он его именует. Бог умер в качестве гаранта истинного знания, природа тоже утратила статус незыблемой опоры, ведь она отныне эволюционирует, меняет облик, как Протей, и ее уже не так легко поймать. Потому и само знание теряет объективность и самоочевидность, обнаруживает ошибочность, релятивизируется. Наконец, третий вызов, на который отвечает доклад, это всеобщая профессионализация и коммерциализация интеллектуального труда, которая активно началась уже в середине XIX в. в области естественных наук, а к началу XX в. захватила и социально-гуманитарные дисциплины. В рамках этого процесса наука и образование становятся обычной, рутинной практикой, говоря словами Вебера, просто услугой, что особенно рельефно проявилось в американской науке. Исходя из этих трех вызовов, стоит внимательнее посмотреть на то, что и с чем Вебер сравнивает: что есть профессия и что есть призвание как таковые?

Профессию будем понимать как зрелую стадию развития некоторой практики, предполагающей как минимум пять признаков. Во-первых, это период ученичества, приобщения к установленным правилам деятельности и коммуникации, выработки определенных знаний и навыков. Во-вторых, профессионал практикует специализацию в некоторой предметной области, двигается вглубь, а не вширь, отказывается от энциклопедизма, свойственного ученым прошлых эпох. В-третьих, он вырабатывает и использует особые методы, характерные именно для данного типа деятельности. В-четвертых, неотъемлемым признаком профессиональной деятельности является материальное вознаграждение за систематический труд. Наконец, в-пятых, профессия — это высокоструктурированный социальный институт, а не форма субъективной мотивации. Типичными профессиями будут контрактная армия и современная наука, каждая из которых отличается высокой степенью внутренней структурности, хотя и различаются по силе групповой границы (в терминах М. Даглас).

В качестве первоначального определения, которое, далее, должно быть пересмотрено, я предлагаю такое: призвание — это когнитивно-экзистенциальная настроенность на определенный вид деятельности, которая возникает раньше профессии как социальной роли и является ее важным личностным мотивом. Призвание при определенных условиях объективируется и приобретает профессиональный статус. В практических профессиях, посвященных жизнеобеспечению человека (строитель, воин, кузнец, садовод и пр.), долгое время не существовало расхождения с призванием, не было проблемы выбора профессии. Причина в том, что они возникли значительно раньше интеллектуальных профессий, присущие им знания и навыки транслировались в неявной форме, и человек получал их по наследству от родителей и учителей. С возникновением интеллектуальных профессий (шаман, жрец, врач, художник, поэт) возникла определенная дистанция между практикой и ее осмыслением: знания и навыки включили в себя целенаправленную рефлексию, служащую обоснованию профессии. Ее частью стала проблема самоопределения и призвания. Шаман, «тот, кто знает», первый профессионал в интеллектуальной работе, должен был изначально «услышать призыв», испытать нечто вроде религиозного обращения, чтобы в дальнейшем иметь возможность претендовать на свой статус. И в дальнейшем священник, художник, поэт, ученый строили свою жизнь, во многом полагаясь на личную когнитивно-экзистенциальную настроенность. Рефлексивно-личностная установка в приобщении к интеллектуальной профессии оставалась доминирующей до XIX в. Лишь радикальная десакрализация религии, искусства и науки в наши дни, уравнивание между собой практических и интеллектуальных профессий лишает проблему призвания прежней влиятельности и остроты. Призвание оказывается массмедийным феноменом, выступает как целеполагающий нарратив, превращающий культурные образцы в идеалы путем конструирования профессионального мифа.

Наука приобретает профессиональный статус только в середине XIX в., дилетанты и любители, т.е. люди, руководствующиеся призванием по преимуществу, вытесняются и уходят из лабораторий, академий и университетов. Призвание остается основанием лишь для «хобби» – дилетантского увлечения, практикуемого в свободное время бесплатно. Главной причиной выбора профессии является отныне ее социальный статус, ее место среди иных социальных институтов. Однако, в условиях разрыва между профессией и призванием в современном «обществе знания» происходит смещение ситуации в другую плоскость. В науке как профессии групповая граница становится все более прозрачной и подвижной, грань между наукой как профессией и наукой как призванием релятивизируется. В это вносит вклад, во-первых, массовость высшего образования, позволяющая гражданину мониторить и оценивать науку; во-вторых, контркультурная критика науки, уничтожающая всякий намек на сакральность научного знания (Фейерабенд, Рорти, феминистская эпистемология); в-третьих, «распределенное знание», создаваемое учеными вместе с публикой; в-четвертых, социальная оценка науки и техники (В.Г. Горохов) и гуманитарная экспертиза [Юдин 2018], переводящие принятие решения по поводу общественно-значимых проектов в публичную плоскость. Профессия ученого перестает быть особой профессией: в ней сливаются культурная социализация и культурная узость, политическая нейтральность и стремление к власти, возвышенность и корысть, истина и манипуляция фактами. Трудности научной профессии вынуждают ставить вопрос о формировании особой мотивации для занятий наукой, о моральных аргументах в пользу науки, о возрождении идеи «призвания ученого», о более глубоком понимании эпистемических норм вообще [Касавин 2017] и специфических формах нормативности в науке.

Проблема гильотины Юма была сформулирована М. Блэком в попытке опровергнуть тезис Д. Юма о том, что из утверждений о фактах нельзя вывести общих утверждений [Black 1964, 166]. Для этики науки она по-прежнему актуальна: этические нормы не выводятся из описания практики в силу ограниченности индуктивного вывода и гетерогенности практики, совмещения в ней хорошей и плохой практики. Более того, использование *modus tollens* позволяет опровергнуть этические нормы. Поэтому наука как профессия не справляется с плохой практикой: запрет последней часто оказывается конкурентным преимуществом недобросовестных ученых. Плохие ученые делают открытия, а хорошие ученые тратят время на критику плохих. Следование этическим нормам не гарантирует ни эффективного исследования, ни успешной коммуникации, а потому и не обеспечивает целостности научного сообщества. Проблема гильотины Юма неразрешима в рамках идеи науки как профессии. Необходимо переформулировать эту проблему с учетом науки как призвания.

Одна из таких переформулировок приводит к парадоксу Мертон-Поппера [Антоновский, Бараш 2018], который фиксирует диссонанс между профессией и призванием, т.е. нормативной структурой науки, обеспечивающей целостность, самосохранение социального института, и критико-рефлексивной практикой науки как творческого поиска истины, производящего когнитивную сегрегацию – диссонанс, неравенство. Выход из этого парадокса в новом понимании научного сообщества: не как монолитного единства, но как динамического, подвижного целого, в котором этос науки обеспечивает баланс мотиваций, интересов и нормативной структуры. Образцы рациональной критики направлены как на разрушение организованного догматизма, так и на достижение нового уровня единства в целях совершенствования науки и общества. Когнитивная сегрегация, производимая научным знанием, одновременно означает и всеобщее равенство перед лицом истины. Таким образом, этика науки предписывает науке более высокие нормы и цели, чем это делает правовая регуляция социальных институтов. Поэтому наука, чье бытие выходит за пределы социального института, может служить обществу его идеалом. Если второй вариант мертоновского этоса [Merton 1973] из девяти амбивалентных норм описывает науку как профессию, то его первый вариант, предписывающий ученому нормы универсализма, коммунитаризма, бескорыстия и организованного скептицизма,

характеризует призвание ученого. Такое предписывание вместе с тем возможно лишь как призыв М. Вебера к простой интеллектуальной праведности (schlichte intellektuelle Rechtschaffenheit) – норме неформального общения [Weber 2002, 510].

Располагая призвание в основе профессии, этика науки вносит вклад в обоснование специального эпистемического статуса науки. Преодоление взаимного отчуждения призвания и профессии предстоит пересмотреть на пути депсихологизации этой дилеммы. Она может быть понята как дополнительность двух социально-культурных ипостасей современной науки – цивилизационной и культурной, каждая из которых сохраняет особый баланс профессии и призвания. Наука как цивилизация отвечает на социальный заказ и создает стоимость, существуя в виде прикладных исследований и реализуя право на интеллектуальную собственность. Наука как культура формирует общественное сознание и потребляет общественные фонды, проводя фундаментальные исследования и реализуя функцию общественного блага. Уровень цивилизации не может быть выше уровня культуры: без культа призвания ученого профессиональные нормы науки покоятся на пустоте. Впору вспомнить старую французскую притчу о том, как трое рабочих отвечали на вопрос, что они делают на строительстве некоего храма. Один посетовал, что катит тяжелую тачку с камнями. Второй сообщил, что зарабатывает на хлеб семье. Третий же с гордостью сказал, что строит Шартрский собор. Если в науке никто не строит собор, то профессия ученого низводится до банальной коммерческой услуги.

Источники – Primary Sources in English and German

Black, Max (1964) 'The Gap between *Is* and *Should*', *Philosophical Review*, 73, 2, pp. 165–181.

Merton, Robert K. (1973) *The sociology of science: theoretical and empirical investigations*. Univ. of Chicago Press, Chicago.

Weber, Max (2002) *Schriften 1894–1922*. Kröner, Stuttgart.

Ссылки – References in Russian

Антоновский, Бараш 2018 – Антоновский А.Ю., Бараш П.Э. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 18–33.

Касавин 2017 – Касавин И.Т. Нормы в познании и познание норм // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 8–19.

Юдин 2018 – Юдин Б.Г. Человек: выход за пределы. М.: Прогресс-Традиция, 2018.

References

Antonovski, Alexander Yu., Barash, Raisa E. (2018) 'Radical science. Are the scientists capable of social protest?', *Epistemology & Philosophy of Science*, 55, 2, pp. 18–33 (In Russian).

Kasavin, Ilya T. (2017) 'Norms in cognition and cognition of norms', *Epistemology & Philosophy of Science*, 54, 4, pp. 8–19 (In Russian).

Yudin, Boris G. (2018) *Going beyond*, Progress-Traditsia, Moscow (In Russian).

Сведения об авторе

КАСАВИН Илья Теодорович

Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, профессор ННГУ, руководитель проекта РНФ в Русском обществе истории и философии науки.

Author's information

KASAVIN Ilya T.

Correspondent Fellow of Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Social Epistemology, Institute of Philosophy RAS; Professor and Chair in Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, director of RSF research project at Russian Society for History and Philosophy of Science